

Суммируя всё вышеизложенное, можно сделать некоторые выводы:

1. В сложном трансформирующемся мире учащаяся молодёжь сохранила приоритет общечеловеческих ценностей;

2. Молодые люди сегодня недостаточно подготовлены к современным реалиям рынка труда, поэтому государство и общество не должны пассивно ждать самонастройки молодежного рынка;

3. Патриотизм не выпадает у молодёжи из приоритета ценностей, но для повышения его рейтинга необходима целенаправленная комплексная работа, где системе образования отводится одно из первых мест. Несмотря на признание необходимости и важности курса «Основы идеологии белорусского государства», остаётся проблема его наполняемости содержательности, а также качества преподавания.

4. Говорить о гражданском обществе в современном понимании этого слова можно лишь с момента появления гражданина как самостоятельного; сознающего себя таковым, индивидуального члена общества, наделенного комплексом прав и свобод и, в то же время, несущего перед обществом моральную или иную ответственность за все свои действия. Но в сознании индивида часто просто не укладывается, что ему по существу принадлежит решающая роль в образовании общественных и политических движений вокруг него. Очень важно осознать, что в действительности именно он (индивид) является той осью, вокруг которой вращается общество и история. Ибо в этом случае каждый из нас будет нести персональную ответственность за все то, что происходит.

Эрих Фромм считал, что «цель человеческой жизни следует понимать как раскрытие сил и возможностей индивидуума в соответствии с законами природы». Но сила и возможности человека раскрываются в определенных условиях. И такие условия должно создавать, прежде всего, государство, хорошо продуманным законодательством, выверенной системой запретов для одних и поощрений для других.

НЕМЕЦКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЕДИНОЙ ЕВРОПЕ: ПОИСКИ, ПРОБЛЕМЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Б.В.Петелин

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия

С 3 октября 1990 г. ежегодно немцы празднуют День германского единства. «Wir sind ein Volk» («Мы – один народ») – этот лозунг лучше и объективнее всего говорит об истинных мотивах объединения. Если бы не было осознания общей национальной идентичности, то вполне допустимо, что развитие событий пошло бы иным путем и судьба ГДР могла бы оказаться схожей с бывшими социалистическими странами, встроившимися постепенно в структуры европейской интеграции. Тем более, что среди немцев было немало тех, кто с антипатией отнесся к возникновению «нового германского национального государства».

По данным Алленсбахского института демоскопии на вопрос: «Является ли для Вас воссоединение Германии скорее поводом для радости или для беспокойства?», что задавался с апреля 1990 г. в Западной Германии, большинство опрошенных отвечали: «Скорее для беспокойства» [1. 42-43.]. Чувства единения, проявившиеся бурно осенью 1989 г. быстро ушли. Возможно, это объяснялось тем, что само объединение произошло простым включением новых земель в существовавшую политическую и социально-экономическую систему, отсюда утверждения о «колонизации»,

«аншлюсе», «поглощении» и т. д. Когда улеглись эмоции, у большинства в сознании это событие отложилось как расширение «старой ФРГ», а не как появление «новой Германии». К тому же действительность для восточных немцев, привыкших к патернализму государства, оказалась иной. Пришлось столкнуться с массовой безработицей, падением жизненного уровня, распадом прежних связей и отношений, что было характерно для ГДР.

Проблема немецкой идентичности предстает весьма сложной в своих трактовках, подходах и оценках. Немецкий политолог М. Мертес, освещая в своей книге различные аспекты национальной проблемы в истории Германии, считает, что вопрос об идентичности «относится к феноменам кризиса: он возникает тогда, когда коллектив или индивидуум теряет ориентацию и тяжело переживает чувство глубокой неуверенности или даже потерянности» [2: 34]. Отсюда идентичность – осознание принадлежности к определенной нации, не есть величина постоянная и неизменная. Преодоление прошлого, растянувшееся на десятилетия, стало для немцев серьезным испытанием. Как отметил известный политолог В. Вайденфельд, вопрос о «политическом настоящем прошлого после объединения Германии еще в большей степени, чем раньше, стал вопросом нашей идентичности, как индивидуальной, так и коллективной».

Разумеется, западные и восточные немцы и до объединения по-разному воспринимали понятие нации. Для западных немцев, это больше абстракция, нечто само собой разумеющееся. Тогда как для восточных – стремление к нации выражалось конкретно, в повседневной практике, в форме социальных улучшений. Германский вопрос при таком подходе всегда был социальным вопросом. Не удивительно, что в ГДР переход на западногерманскую марку с 1 июля 1990 г. праздновался так же бурно, как и падение Берлинской стены.

Дискуссии 1967/68 гг. в ФРГ, как пишет об этом историк Х. А. Винклер, показали, что идеи «нации», «национального государства», «национального самосознания» не привлекают большинство [4: 244-245]. Население предпочло свободу, материальный достаток, западную культуру. «Экономическое чудо», стабильная марка, интеграционные успехи были более зримыми и ощутимыми и закрепляли особую «западную», «европейскую» идентичность. ГДР, другая Германия, отдалась в сознании граждан ФРГ, чему способствовали и средства массовой информации, например, передачи баварского радио «So sieht es der Westen» и «So lebt man im Osten».

Спустя почти два десятилетия после объединения социальные различия между восточными и западными землями Германии утратили свою первоначальную остроту. К тому же и в новых землях появились современные предприятия, свои «регионы роста», как это наблюдается в Дрездене, Ростоке и, особенно, Берлине. Да, материальное благополучие по-прежнему выше в Западной Германии, но разговоры об «ущербности» восточных немцев, неумении и нежелании их работать ушли, и остались разве что в анекдотах про «осси» и «весси». Социально-экономическое пространство стало единым, в этом отношении самоидентификация, то есть закрепление в сознании и повседневной жизни неразрывной связи с потребительским обществом, состоялась. Тем не менее, политологи убеждают в том, что раскол на самом деле не преодолен, и говорить об общей идентичности пока рано.

Проблема собственной немецкой идентичности наложилась на проблему «европейской идентичности». Расширение Европейского союза, вступление в него государств Юго-Восточной Европы, Балтии, граждане которых являются носителями иной культуры, было продиктовано преимущественно политическими соображениями. Да, можно согласиться, что в строительстве единой Европы должны участвовать все европейцы. Но каков будет конечный результат, если будет утрачено все ее разнообразие? Евростандарт лишь условно можно отнести к достижениям европейской цивилизации. Коллективная идентичность, а именно о ней идет речь, нуждается в общих убеждениях, правилах, общественном устройстве и – *общей истории.*

Вернемся вновь к германской проблеме. Раскол, как пишет в своей статье Е.Уфимская, «безвозвратно похитил у немцев возможность накопить коллективную память послевоенного существования... Потому что выстраданная история и прошлое укрепляют нацию сильнее всего остального» [5. 286-287]. Двойную историю немцев нельзя преодолеть отдельно, должно измениться различное восприятие нации, связанное с различным кругозором в прошлом. При этом прошлое должно оцениваться адекватно. В Германии после объединения в сознании всех немцев намеренно закреплялось, что ГДР – это «тоталитарный режим», и иных каких-либо суждений быть не должно. «Их история не была нашей историей, – писал франкфуртский философ Хабермас, – а для моих детей она является еще более чужой. Это следует принять без сентиментальности». Для западных немцев, по его мнению, в послевоенной истории Италии, Франции или США больше общего, чем с ГДР [4. 632].

О том же пишет политолог Вайнденфельд. По его мнению, сорокалетняя история старой ФРГ дает разнообразные возможности идентификации. Она является источником гордости и удовлетворенности достигнутым, тогда как это нельзя сказать про граждан ГДР, которые совершили «прыжок в современность (die Moderne), не проанализировав все этапы злополучной истории ГДР, не говоря уже о том, чтобы их осмыслить» [3. 252].

Сближение немцев после объединения шло через культуру. В начале этого процесса были опасения, что произойдет «западная колонизация» и восточные немцы окажутся в плену «массовой культуры», которая в ГДР, как и в других странах реального социализма, характеризовалась «буржуазной» и «низкопробной». Да, «банализация» восточно-германской культуры произошла, ибо поменялись ценностные ориентации, изменился стиль и содержание самой жизни. Изменилось и само значение культуры. Литература, театр, кино, живопись утратили свою назидательность, стали более «легковесными», развлекательными, как того требует потребительское общество и рынок. Но главное – культура стала разнообразной. Большинство актеров, певцов, режиссеров, художников из ГДР не потерялись в объединенной Германии. При коммунистическом режиме многие из них испытали на своем творчестве давление властей, поэтому с падением Берлинской стены «восток Германии с головой и энтузиазмом окунулся в необъятное море форм культурной жизни, пришедших с запада». Но звучали и голоса, что угрозу немецкой идентичности несет не восточно-германская культура, а та мультикультурность, что стала характерным явлением в западногерманском обществе.

Стремление Европы быть открытой для всех культур и одновременно отречься от собственных традиций формирует комплекс проблем, которые уже сегодня меняют ее лицо. К Германии это имеет прямое отношение. Расширение Европейского союза, когда его членами стали почти все страны Восточной Европы, причем большинство из них построили свои экономические расчеты в надежде на немецкую помощь, нескончаемый поток иммигрантов из Турции, афро-азиатских стран создали совершенно новую ситуацию в формировании немецкой идентичности. Сразу после объединения Германии выказывались опасения о неизбежной «германизации Европы». Кое-кто заговорил о «возрождении национализма», появлении «четвертого рейха» и тому подобных вещах. Действительно, впервые в своей истории немцы создали свое национальное государство, но, как пишет в своей книге Хаген Шульце, это государство впервые «необратимо связано с Западом». Переворот в ГДР показал, что «люди в Восточной Германии хотят принадлежать не только экономической системе, но и к политической культуре Запада» [6. 233-234].

Роль Германии в европейских и международных делах после 1990 г. несомненно возросла. Но разговоры о «германской Европе» прекратились. Не без горестных интонаций М. Мертес заметил, что «у Федеративной Республики Германия больше нет энергии для того, чтобы наложить на континент свой отпечаток, даже если бы у нее и были подобные амбиции».

Страна в 90-е гг. пережила глубочайшую внутреннюю трансформацию, которая поставила под сомнение прежнюю уверенность в собственной национальной самобытности. Стал уже данностью тот факт, что Германия превращается в страну мигрантов. Объясняют это потребностями экономики. Для того, чтобы поддерживать численность лиц трудоспособного возраста на стабильном уровне, страна нуждается в притоке 200 тыс. человек ежегодно, и цифра эта не убывает. Однако все надежды на интеграцию вновь прибывших в немецкое общество, по сути, провалились. Так, турецкая община в Германии бурно прореагировала на публичное высказывание канцлера Ангелы Меркель о том, что «мечети не должны быть выше кирхи».

Власти в Германии осознают сложность проблемы. Но в обществе, в котором дискуссии о сохранении немецкой культуры в качестве «ведущей» («Leiterkultur»), пресекаются еще не начавшись, другого ожидать трудно. Например, стоило только правительству Коля в 1983 г. принять закон, стимулирующий выезд из страны иностранных рабочих, как политическая оппозиция обрушилась с критикой: репарация была названа безразличной, нарушающей права человека [7. 238].

Сегодня приходится констатировать, что большинство западноевропейцев лишь номинально относят себя к христианам, подтверждением тому современный уклад жизни, где нет места евангельским заповедям. Возможно ли в Европе на иной основе формирование нового самосознания? «Коллективная идентичность, – по высказыванию Юргена Хабермаса, – скорее создается, а не обнаруживается. Однако она может устанавливать единство только между разнородными. Даже среди членов одной общины каждый для каждого является другим и имеет право на то, чтобы оставаться другим» [8. 35].

В мире «толерантности» и «плюрализма» идентичность не может быть окончательно заданной, но национальная в ней всегда будет самой значимой стороной. В Европе идентичность долгое время понималась как часть идентичности «свободного Запада» [9. 3-14]. Немцы, несмотря на зигзаги в своей истории, в конце XX века эту проблему для себя решили. Их история – часть европейской истории, пусть и сохраняются опасения ее «германизации». Но национальная история поляков, чехов, балтийских народов, румын, болгар и других практически по настоящее время не включена в европейскую историю. Процесс этот сложен и противоречив, хотя раскол Европы уже пройден давно. Видимо потребуются немало лет, прежде чем возникнет подлинное чувство европейской общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Единство в зеркале демоскопии // Deutschland/Германия. 1995. № 4.
2. Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. - М., 2001.
3. Вайденфельд В. Куда идут немцы? О морально-политическом будущем объединенной Германии//Россия и Германия в Европе. - М., 1998.-С. 252.
4. Winkler H.A. Der lange Weg nach Westen. Bd. 2. Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. - München, 2002. S. 244-245.
5. Уфимская Е.В. К вопросу о немецкой идентичности: западные и восточные немцы после объединения Германии 1990 г.//Дневник Алтайской школы политических исследований. № 18. Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщины и выборы. Мат. Междунар. науч.-практ. конф. - Барнаул, 2003.
6. Шульце Х. Краткая история Германии. - М., 2004. - С. 233-234.
7. Клейн А. Широка земля Евросоюза//Наш современник. 2007. № 10. С. 238.
8. Цит. по: Кеммерер А. Что объединяет Европу? Internationale Politik. 2007. № 1. С. 35.
9. Ферхойген Г. Новая идентичность Европы// Internationale Politik. 2006. № 3.